

БОРИС ЖИТКОВ
Из книги «Что я видел»

АЭРОПОРТ

Папа

Утром я ещё спал, вдруг папа пришёл. Он очень был весёлый, бабушка тоже смеялась и немножечко плакала.

А папа всё говорил, что я загорел, и ещё говорил, что я теперь украинец.

А я папе сказал, что у меня початок есть и что мне курочек подарили. И что я в колхозе был.

А бабушка мне сказала, чтоб я скорей одевался.

Папа пошёл в ванную мыться. И там смотрел моих курочек.

А потом бабушка сварила кофе, и мы пили.

А папа говорил, какая у нас в Харькове квартира. И что он уже всё устроил. И чтоб бабушка к нам зимой приезжала.

И потом папа говорил, что он не приехал, а прилетел. Он на самолёте прилетел.

И сказал, что мы на самолёте полетим с ним в Харьков. И что мы сейчас полетим. Потому что у папы уже билеты есть.

Папа всё боялся, чтоб не опоздать. Бабушка сказала, что ещё можно посидеть. Мы на диване сиде-

ли, и папа меня рукой держал. И с бабушкой говорил.

Бабушка говорила, что я не шалил. А что я только немножко слив объелся. И что пусть я у ней живу. А потом пускай бабушка меня привезёт в Харьков.

Я тоже сказал, что хочу, чтоб у бабушки жить.

А папа сказал, что нельзя. Потому что мама меня очень хочет.

Как бабушка заплакала

Потом папа встал и сказал, что надо идти. Потому что надо сначала ехать в автобусе. Бабушка сказала, что пойдёт нас провожать. Она все мои вещи сложила: и мячик, и мишку, и початок, и дзыгу, и кнутик. Только папа сказал, что окунька не надо и курочек тоже. Они пусть у бабушки будут. Они пусть будут мои, только у бабушки живут.

Бабушка мне сказала, что она их будет беречь.

Потом папа взял мои вещи, и мы пошли.

Мы ехали на трамвае и приехали, где стоит автобус. Он к самолёту везёт. Он на улице стоял и ждал. Это он всех ждал, кто на самолёте будет лететь.

Бабушка немножко заплакала и стала целовать папу, а потом меня на руки взяла и тоже очень целовала и говорила:

— Не забывай, Алёшенька, бабушку.

Самолётный вокзал

Кондуктор сказал, что сейчас ехать. Папа кондуктору билеты показал, и мы сели в автобус.

Бабушка мне рукой махала. А потом я бабушки не видал, потому что там много автомобилей и людей. И мы поехали по улицам.

Папа меня спросил:

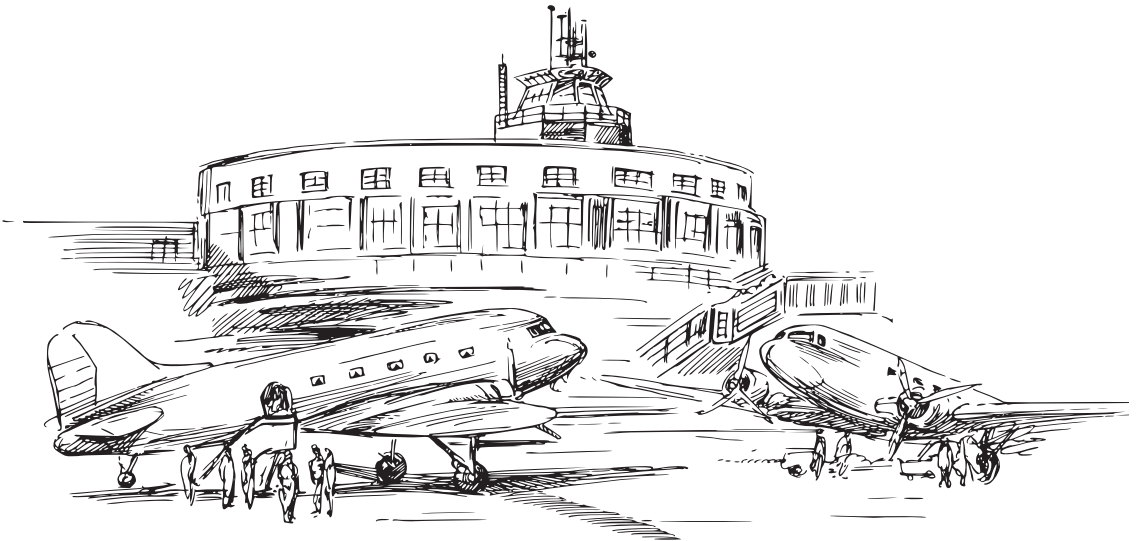
– Тебе хорошо у бабушки было?

Я сказал, что очень. А больше я не говорил, потому что автобус очень шумел.

А потом мы поехали по дороге, где уже не город. И приехали, где стоит дом. Это вокзал, только самолётный. Он совсем не вокзал, а просто дом. И там всякие комнаты. И мы с папой пошли в столовую.

Папа сказал, чтоб мне дали ветчины и молока. А папа пил чай и ел сосиски.

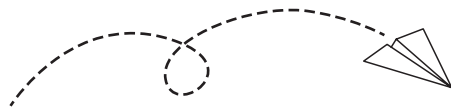
Папа сказал, что в аэроплане мы будем сидеть в кресле и что будем лететь высоко и очень скоро. Прямо скорей, чем птицы.

А я сказал:

– Скорей, чем орёл?

Папа сказал, что скорей, чем орёл, и скорей, чем ласточка.

Как мы летели на самолёте в Харьков

Потом папа сказал, что надо идти садиться в самолёт. И мы вышли с папой и вещи тоже взяли с собой.

А там поле. И на нём трава.

А потом стоял самолёт. Он впереди на колёсиках. И с боков у него идут крыши. А папа сказал, что это не крыши, а крылья. Только самолёт ими не машет, а они стоят крепко.

А потом идёт длинный домик с окошечками. И туда – лесенка и дверь. Он – как вагон.

Папа меня на руки взял и туда втащил. А там стояли кресла. Папа сел и взял меня на колени. И я стал смотреть в окошко. Наши вещи тоже принесли. И поставили в самолёт.

И ещё пришли два дяди и одна тётя. И тоже вещи принесли. А впереди, в будочку, сел дядя. Я сказал, что это шофёр. А папа сказал, что это пилот.

Я ещё хотел сказать, только ничего не мог сказать, потому что машина очень загудела и мы поехали по этому полю. Прямо по траве.

Папа взял кусочек ваты и заткнул мне уши. Я не давал, а папа всё равно заткнул.

Самолёт очень стало трясти, потому что он быстро бежал.

Папа меня крепко держал, и мне было ничего.

А потом не стало трясти. Папа стал мне в окно показывать, чтоб я посмотрел.

А там внизу были домики. И маленькие трамвайчики. И река внизу была. И маленькие паровоидики. И ещё мост. Я очень обрадовался, что они такие маленькие и хорошенькие. Они — как на картинке.

И я стал хлопать в ладоши и кричать. А папа совсем ухо ко мне приставил и слушал, что я кричу. А я кричал, что какие маленькие и какие хорошенькие. А папа мне в ухо закричал, что это потому, что мы высоко. А потом я видел, как паровозик идёт и поезд и как у него из трубы дым идёт.

Потом самолёт стало немножко качать, и я кричал папе:

— Почему? Почему?

А папа положил меня у себя на руках и мне в ухо сказал, чтоб я спал. И я стал спать.

А потом я проснулся, и папа мне закричал:

— Вон Харьков!

И стал мне в окно показывать. А там как будто канавки. А это не канавки, а улицы, и по ним трамвайчики бегают.

И это город Харьков.

Как мы прилетели в Харьков

А потом мы прилетели, где поле и тоже трава. И наш самолётик побежал прямо по полю. И нас опять стало трясти, как в Киеве. А потом самолёт стал. И к нам побежали люди. А это не поле, а это чтоб самолётам прилетать, и называется аэродром.

Потому что папа мне из ушей вату вынул и сказал, что это аэродром. И ещё сказал, что потому вату положил, что машина очень шумит и потом будут уши болеть. И все тоже стали из ушей вату вынимать, потому что тоже вату запихали.

И все стали выходить, потому что нам открыли дверь и поставили лесенку. И люди стояли и глядели, как мы выходим. Мы с папой стали выходить, и папа меня за ручку по лесенке сводил.

Я смотрел на лесенку, чтоб не упасть, а потом смотрю — мама. Она прямо ко мне побежала и закричала:

— Алёшка! Алёшка!

Мама очень радовалась и говорила, что боялась, что мы с папой летим.

А я сказал, что я не боюсь летать и что летать очень хорошо.

Там тоже стоял вокзал. А только мы в вокзал не пошли. Мы пошли, где стоял автомобиль.

И папа сказал маме, что меня укачало. И что я спал.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

ПОЛЕТЕЛИ

Девятая объединённая артель кустарей два года собирала деньги на аэроплан.

И в газетах возвания печатала, и особые красочные плакаты вывешивала, и дружескую провокацию устраивала. И чего-чего только не делала! Одних специальных собраний устроено было не меньше десятка.

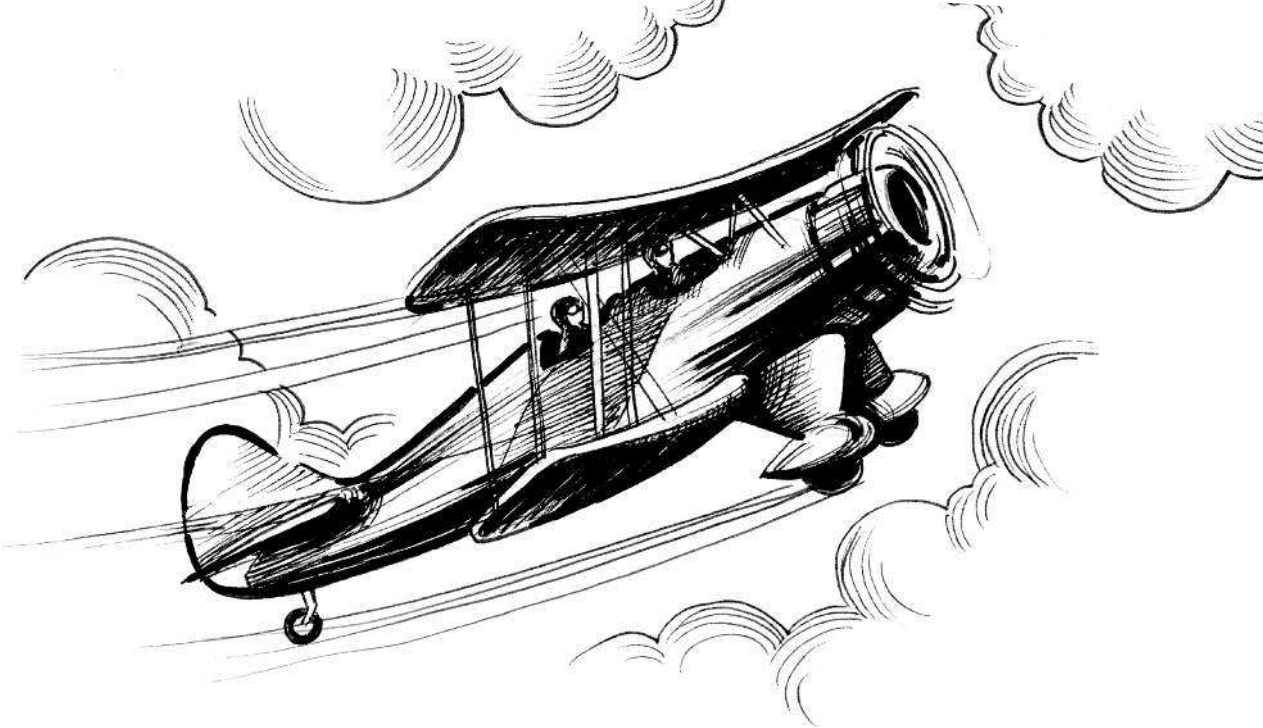
А какой был подъём! Какие были мечты! Планы какие! Сколько фантазии и крови было истрачено на одно лишь название аэроплана!

На собрании председателя артели буквально закидывали вопросами. Кустари главным образом интересовались: будет ли аэроплан принадлежать всецело Добролёту, или же он будет являться собственностью артели? И может ли каждый кустарь, внёсший некоторую сумму, лететь на нём по воздуху?

Председатель, счастливый и возбуждённый, говорил охриплым голосом:

— Товарищи, можно! Конечно, можно! Летайте себе на здоровье. Дайте только вот собрать деньги... И тогда полетим... Эх, красота! Простор...

— Главное, что на собственном полетим,— восхищались в артели. — На чужом-то, братцы, и лететь как-то неохота. Скучно на чужом лететь...

— Да уж какое там летанье на чужом,— подтверждали кустари. — На своём, братцы, и смерть красна.

Председатель обрывал отдельные восхищённые выкрики и просил организованно выражать свои чувства.

И все кустари, восхищённые новой идеей и возможностью летать по воздуху, наперерыв просили слова, яркими красками расписывали ближайшие возможности и клеймили несмываемым позором малодушных, не внёсших ещё на аппарат. Даже секретарь артели, несколько унылый и меланхолический субъект, дважды отравленный газами в царскую войну, на вопрос председателя высказаться по существу говорил:

— Без аэроплана, товарищи, как без рук. Ну на чём лететь прикажете? На столе не полетишь. А тут захотел куда-нибудь полететь — сел и полетел. Только и делов.

Два года артель с жаром и пылом собирала деньги и на третий год стала подсчитывать собранные капиталы.

Оказалось — семнадцать рублей с небольшими копейками.

На экстренном, чрезвычайном собрании председатель сказал короткую, но сильную речь.

— В рассуждении того, — сказал председатель, — что аэроплан стóит неизмеримо дороже, куда предполагают уважаемые товарищи девать эти вышеуказанные суммы? Передать ли эти суммы Добролёту или есть ещё какие предложения? Прошу зафиксировать вопрос путём голосования рук.

Голоса разделились.

Одни предлагали деньги внести в Добролёт, другие предлагали купить небольшой, но прочный пропеллер из карельской берёзы и повесить его на стене клуба, над портретами вождей. Третьи советовали закупить некоторое количество бензина и держать его всегда наготове. Четвёртые указывали на необходимость произвести ремонт в помещении кухни.

И только несколько человек, из числа явно малодушных, затребовали деньги назад.

Им было возвращено семь рублей.

Остальные десять рублей с копейками решено было передать в Добролёт.

Однако казначей распорядился иначе.

В один ненастный осенний вечер казначей артели Иван Бобриков проиграл в карты эти деньги.

